

Маруана ХАМЗАКЫЗЫ

Я НЕ МОГУ БЕЗ ТЕБЯ...

Невидимой красной нитью соединены те, кому суждено встретиться, несмотря на время, место и обстоятельства. Нить может растянуться или спутаться, но никогда не порвётся.

И на завтрак, и на обед, и на ужин был шведский стол. Удобная штука, ходи, сама выбирай, чего желает душа. После дней бурной деятельности душа отчаянно желала покоя, но меню отеля этого не предлагало. Народу на конференции набралось много, гул в ресторане не умолкал ни на минуту. Обходя длинные ряды с тарелкой в руке, Жанна придирчиво выбирала еду. Вдруг ей почудилось, что кто-то тихо окликнул её. Нет, это был не звук, это был запах, до боли знакомый запах. Жанна резко обернулась. Мужчина, шедший следом, отпрянул от неожиданности. Статный, с копной волнистых волос. Жанна чуть дольше, чем полагается, задержала на нём взгляд и как бы просканировала незнакомца. На шее у него был небрежно повязан шарф, узел точь-в-точь как у меня, мелькнуло в голове. На его тарелке лежала еда, один в один как у Жанны. Она удивлённо подняла брови. На мгновение оба замерли, глядя друг другу в глаза. Но он первым пришёл в себя, вежливо поклонился и пошёл дальше. А растерянная Жанна, как вкопанная, осталась стоять на месте.

– Так, что стоим? Пока мы тут витаем в облаках, народ разберёт все лакомые куски, – затараторила рядом Азиза. Подруги двинулись вдоль столов. – Ой, как я люблю Турцию за свежую зелень круглый год, – приговаривала Азиза, выбирая себе еду.

Они сели подальше, у окна. Жанна искала глазами того незнакомца. Азиза, заметив это, оживилась:

– Колись, кого высматриваешь?

Жанна хотела рассказать о недавнем казусе, но её перебил подошедший Аскар.

– Чего так далеко сели-то, думали уединиться? – он самодовольно хмыкнул, от зоркого глаза начальства нигде не спрячешься! Усевшись поудобнее, продолжил: – Да, сильно турки замахнулись на ЭКСПО, но ничего, Казахстан в 2017-м даст всем фору!

Зная, что словесный поток шефа уже никак не перекрыть, Жанна молча уткнулась в свою тарелку. Но поздним вечером, в номере, Азиза опять начала досаждать ей расспросами.

– Так на кого ты положила глаз, подруженька?

Жанна рассказала подруге об утреннем столкновении, а та расхохоталась:

– Окликнул запахом? Незнакомый турок? И шарф повязан как у тебя, и еда на тарелке та же? Ну и что тут такого? Простые совпадения! Ты неисправимый романтик, Жанночка! Очнись! Будь практичней, не забивай свою золотую головку всякой ерундой. Вон, посмотри на Аскара, мужчина что надо. Богат и с большими связями. Будешь как сыр в масле кататься, ни придирок тебе, ни забот. Ты же знаешь, что он равнодушен к тебе. Тебе ещё дочь поднимать, сама, чай, уже не девочка, послушай меня! – Подруги рассорились и уснули, разом отвернувшись к стенке.

Шёл последний день конференции. Народ бурлил в огромном зале, все хаотично перемещались, кто-то пел, кто-то делал фотографии на память. Жанна всюду искала вчерашнего незнакомца и наконец увидела его. С фотоаппаратом через плечо, он неспешно переходил от одной группы к другой и делал снимки. Жанне показалось, что объектив аппарата щёлкнул и в её сторону. Было видно,

что он знаком со многими и его знают довольно хорошо. В какой-то момент Жанна вновь оказалась рядом с незнакомцем и вновь почувствовала его запах. Запах будоражил. Ей казалось, что он кого-то ей очень сильно напоминает. Но кого?

Азиза тут же оказалась рядом, как будто выросла из-под земли. Толкнув подружку локтем, бесцеремонно спросила: «Этот?» И так же внезапно затерялась в толпе. В конце того же дня, деловито распахивая на верхние полки самолёта ручную кладь, Азиза плюхнулась рядом и, заговорщицки подмигнув, сообщила: «Зовут его Эмре, архитектор, живёт в Стамбуле. Больше информации не смогла добыть». Жанна крепко обняла подружку и потёрлась щекой об её щёку. Еле скрывая довольную улыбку, Азиза отмахнулась: «Да ладно уж!»

А потом была зима. Как можно не любить Алматы! Но промозглая, слякотная зима изъедает всю душу. Придирки Аскара, авралы, связанные с предстоящим участием в ЭКСПО, нескончаемые бытовые проблемы изнурили Жанну. В такие дни дочь, как ласковый щенок, прижималась к ней, чувствуя что-то неладное, тихо скулила: «Мам, ну ма-а-м...» Жанна успокаивала её: «Всё хорошо, малыш, всё хорошо»... Когда тоска накатывала особенно сильно, Жанна вспоминала Эмре и как киноленту прокручивала ту единственную встречу. Теперь она знала, кого он ей напоминал. Его точёный нос, огромные карие глаза напомнили ей первую любовь, пронзительную и чистую. Звали его Сайфуддин. Он перевёлся к ним в девятом классе. Жанна сразу влюбилась в сильного, красивого плечистого парня, чем вызвала переполох в среде педагогов. Как же так, отличница, положительная девочка из хорошей семьи и парень чеченец? Вызывали родителей, проводили беседы. Чеченцы необузданный, горячий народ, он опозорит тебя и всю твою семью, и прочее, и тому подобное. А он грел на морозе своим дыханием её озябшие руки и спрашивал: как же я могу тебя обидеть, тростиночка моя?

Сразу после окончания школы Жанна уехала в город. А встретились они спустя годы. В печальных глазах Сайфуддина не было ни капли укора. Он молча расстегнул рубашку и показал ей татуировку на груди. Она была в виде вензеля и выколота прямо рядом с сердцем – красивое сплетение букв Ж и С. Сказал, что бы теперь ни случилось, ты навсегда останешься в моём сердце. По зову же сердца он уехал на Родину, в Чечню, когда там вспыхнула война. Да там и остался. Навсегда. Горный аул, в котором базировалась его часть, бомбили так, что хоронить было некому...

На мысль искать Эмре в соцсетях натолкнула опять же Азиза:

– Слушай, что ты всё ходишь и вздыхаешь? На дворе двадцать первый век, пощи его в сетях.

С замираньем сердца Жанна открыла страничку Эмре в Фейсбуке. Вот огромное количество его работ, вот его друзья, всюду он, в самой гуще событий. Азиза съехидничала: «Ты посмотри, да он настоящий самовлюблённый Нарцисс!» На странице не было никакой личной информации. Жанна пометила лайком наиболее понравившиеся его работы. На следующий день, предварительно посетив её страницу, он предложил ей дружбу. Так они и стали «захаживать в гости» друг к другу... Первой на мессенджер написала Жанна: «Я рада нашей дружбе в Фейсбуке». Эмре вежливо поприветствовал её, сообщив, что и он очень рад. Да будет славен в веках Google-переводчик, они начали переписку на турецком языке. Посыпались смайлики, стикеры, открытки. Как-то Эмре прислал красивую картинку с силуэтом влюблённых. Жанна написала, что завидует им. Последовал вопрос, отчего же. Она ответила: «Моё сердце разбито и одиноко». Он извинился: «Очень жаль, сочувствую». А затем Жанна стала ощущать особую теплоту от посланий Эмре. Он ежедневно, чуть ли не ежечасно, справлялся о ней, о её делах и заботах, о дочурке. Пытался давать советы и даже помочь ей, чем может. Жанна заметила, что она стала с нетерпением ждать сообщений с далёкого берега...

Но однажды Эмре надолго исчез из сети. Жанна ходила как в воду опущенная, ей казалось, что дни тянутся невообразимо долго без его смс. Ей вдруг стало ясно, что эта виртуальная связь уже является неотъемлемой частью её жизни. И между ними протянулась сквозь пространство и время какая-то незримая нить. Спустя некоторое время Эмре прислал сообщение с извинениями и объяснением, что находился в местах, где интернет был недоступен. Сознался: «Очень скучал по тебе». Жанна создалась, что и она сильно скучала. Эмре написал: «Canım» (Душа моя). Жанна опешила, её обдало жаром. Она замешкалась с ответом. Эмре среагировал мгновенно: «Не надо стесняться». Жанну смутило, что, будучи так далеко, он тонко почувствовал её душевное состояние. Эмре прислал селфи. Выглядел он усталым. Жанна написала ему об этом. Он сказал: много работы, «kalbim» (моё сердце). Потом, спохватившись, поинтересовался: который час у вас? Жанна ответила. Он: время сна, почему ты не спишь? Спокойных снов тебе, душа моя. Они пожелали друг другу спокойной ночи. Эмре пожелал присниться Жанне. Но не приснился, потому что в ту ночь, до самого утра, Жанна не смогла сомкнуть глаз... Весь следующий день она чувствовала себя разбитой, никак не могла сосредоточиться на работе и заслужила нагоняй от шефа. Подкатила в своём кресле Азиза.

– Ну что опять творится с тобой?! Мадам, включай воображение! Ты же знаешь, на дворе кризис, сокращения, на твоё место десятки, если не сотни претендентов! – Но взглянув на утомлённое лицо подруги, сжалилась. – Хорошо, поговорим вечером.

За ужином Жанна создалась подруге во всё. Азиза была заинтригована.

– Ну-ка, ну-ка, покажи-ка мне вашу переписку! – Она прожила год в Турции и довольно сносно владела языком. Перечитывая переписку, она то умилялась, то оглушительно хохотала. Жанна недоумённо поглядывала на подругу. Насмевшись вдоволь, Азиза сказала. – Да-а, давно я не смеялась так, от души! Не хотела бы я передавать свои чувства с помощью Google-переводчика, вы тут временами такую белиберду несёте, живот надорвать можно!

Жанна засмутилась:

– Но мы прекрасно понимаем друг друга!

– Я вот одно поняла, подруга, процесс запущен и неуправляем. – Азиза нахмурилась. – Скатилась до сантиментов, а что тебе известно о нём, кроме пола, и, ах, да, национальности? Ты же ничегошеньки не знаешь о его личной жизни! Судя по его хронике, он никого в неё не пускает. Так, дорогая, сегодня же спроси его, женат ли он, а его точный возраст я разужнаю сама. И вообще! То, что он засыпает тебя всякой ерундой, ещё ничего не значит. Эти мужчины хороши только на словах, поверь мне. Уж я-то этих горячих турецких парней знаю не по переписке!

Жанна сникла, ей было нечего возразить подруге... Дома её ждало сообщение от Эмре: «Canım, gunaydin» (Добрый день, душа моя) и фотография Жанны, сделанная на той самой конференции. Жанна расплылась в широкой улыбке: «Так ты не забывал меня?» Он ответил: «Hiç unutmadım» (Никогда не забывал). Жанна рассмеялась. В спальню с шумом ворвалась дочь и радостно завопила:

– А кто-то бессовестно запрещает по ночам сидеть в чатах!

Жанна смутилась:

– Это по работе.

Дочка лишь хитро прищурилась в ответ и вышла... Вопреки запретам и запугиванию Азизы, переписка бурно продолжалась. Каждый день Жанну ждало сообщение от Эмре: «Nasılsin? Bitti mi icler? Yiruldun mu? Dinlen» (Как ты? Закончила дела? Устала? Отдохни). От этих слов становилось уютно, и тихая радость наполняла душу Жанны. Ещё не зная, точно ли передаст Google её слова, она написала ему о своих чувствах. Эмре ответил: «Efendim canım. Seviyorum» – «Да, душа моя, люблю тебя. Я влюбился в тебя сразу, как только увидел на той кон-

ференции. Но я ничего не знал о тебе и не мог расспросить никого, боясь причинить тебе вред. Я наблюдал за тобой постоянно, повязал свой шарф твоим узлом, всё время старался держаться поближе к тебе, пытаюсь как-то привлечь твоё внимание. И решив узнать, какую еду ты предпочитаешь, я пошёл за тобой в ресторане по пятам, тогда-то ты и обратила на меня внимание».

Эмре стал часто отправлять Жанне свои фото и требовал этого и от неё. Она смущалась и отправляла снимки различных цветов. Благо весна была дождливой, и Алматы благоухал разноцветьем. Он отвечал: «Sen ciceklerden guzelsin» (Ты прекраснее всех цветов). В хронике Эмре стали появляться стихи. Жанна спросила: «Это для меня?» Эмре ответил: «Evet!» (Да!) Жанна переводила их с помощью переводчика и поняла, что Азиза была права, не всегда можно доверять Google. Она начала выписывать в отдельный блокнот-«копилку» турецкие слова и предложения и пыталась старательно их заучивать.

Наступило лето. Жанна радостно сообщила Эмре, что предстоит командировка в Анталию. На ЭКСПО. Он был безмерно рад. Сказал, что обязательно встретит её. Они строили совместные планы, он обещал научить её плавать, показать ей античные памятники. Она спросила: а как же мы будем с тобой общаться? Он ответил – сердцами: «Kalbinin sesini dinle» (Следуй своему сердцу).

Чтобы поглядывать на Эмре в рабочее время, Жанна поместила его фото на рабочем столе компьютера. Она поняла, что поступила опрометчиво, когда фото случайно попало на глаза Аскару.

– Так-так... – сказал он, – знаю я этого парня. Это же Эмре Чинар! И что он делает на рабочем столе нашей компании?

Азиза из-за спины шефа покрутила пальцем у виска: «Дура ты, дура!» А затем началось перекраивание плана командировок на ЭКСПО. План переделывался не ежедневно, ежечасно. Жанну то включали, то исключали из списка. Эмре бушевал на другом конце света. Но наконец список и очерёдность поездок были утверждены, и Жанна сообщила, что вылетает в Турцию шестнадцатого июля. Ответ был молниеносным: «Я буду с тобою субботним утром, sevgilim (любимая)!»

Жанна собиралась в дорогу суматошно. Азиза, помогавшая паковать чемодан, вдруг спросила:

– А ты хоть раз разговаривала-то со своим?

– Мы же не знаем языка друг друга, общаемся только посредством переводчика. – Жанна развела руками.

Внезапно зазвенел телефон. Жанна подняла трубку. На том конце зазвучал приятный мужской голос: «Жаньна, Жаньна!» Жанна вспыхнула. Само собой вырвалось: «Evet!» Это был Эмре, он взволнованно и быстро заговорил, Жанна попросила: «Yavas, yavas» (Медленнее). Он начал говорить медленнее, ещё раз подтвердив, что скучает, очень ждёт и будет рано утром, «cumartesi» (в субботу), рядом с ней, что сейчас он направляется к Босфору. Жанна закружила по комнате: «Боже, какой у него красивый голос!»

– Ты бы свой сейчас слышала, заворковала, понимаешь ли... А ты, смотрю, дорогая, уже неплохо поднаторела в турецком языке «посредством переводчика». – Азиза хмыкнула.

Самолёт турецкой авиалинии вылетал в Анталию ранним утром. Служебное авто заехало за Жанной в последнюю очередь. Сидевший рядом с водителем на переднем сидении Аскар старательно изображал скуку. А душа Жанны ликовала, ей хотелось и петь, и плясать одновременно. Азиза исподтишка строила ей страшные рожицы, и подруги тихонько прыскали в кулаки... Вылет немного задержали. Обычно улыбочивые стюарды и стюардессы сегодня были как-то натянуто вежливы. Разместившись по местам, все пассажиры приготовились ко сну. А самолёт всё не взлетал. Потом началась суматоха. Какой-то заполошный

пассажир вскочил с места и начал кричать: «В Турции военный переворот, там война, нас непременно собьют!» Аскар лихорадочно открыл ноутбук. В динамике раздался голос командира, он сообщил, что полёт будет произведён после того как пассажиры, желающие отложить полёт, покинут борт, попутно объяснив, что все затраты на авиабилеты им будут возмещены. Затем он попросил оставшихся пассажиров сохранять спокойствие и поблагодарил за выбор авиакомпании. В числе покинувших борт пассажиров был и Аскар. Он судорожно собрал вещи и ушёл, даже не оглянувшись. Подруги, хоть и были взволнованы сообщением о перевороте, после ухода шефа облегчённо вздохнули. Азиза растянулась на опустевших креслах, а Жанна села у окна и с тревогой стала вглядываться в рассвет нового дня. Она с тревогой думала: что происходит там, в ещё далёкой Турции, что с Эмре? И в сердце холодной змейей заползал страх.

На ЭКСПО почти ничего не напоминало о том, что где-то в стране происходят бурные события. Выставка была организована грандиозно, и, несмотря ни на что, поток посетителей не иссякал. Вот только... не было обещанной встречи, и что ужаснее, не было никаких вестей от Эмре. Суматошная работа немного отвлекала от тревог, но каждую свободную минутку Жанна пыталась дозвониться до Эмре, без устали закидывая его смсками. Но все попытки связаться с ним были тщетны... Звонок Эмре раздался поздно вечером. Он говорил так быстро, что Жанна не сумела ничего понять и побежала к Азизе. Подруга кивала в трубку, повторяя: «Evet, evet». Потом быстро стала передавать слова Эмре – события застали его на переправе через Босфор, он оказался в самой гуще. Крепись, дорогая, он сказал, он обязан быть там, он мужчина, и это его долг!

– А я? А как же я?! – растерялась Жанна.

– А тебе, дорогая, остаётся только молиться, терпеть и ждать. – Азиза обняла подругу. – Да, чуть не забыла, он велел тебе передать, что дал себе зарок, что увидит тебя непременно в полнолуние. И вы поплаваете при лунном свете.

Жанна запрокинула голову, луна была почти полная, ещё совсем чуть-чуть, и наступит полнолуние.

– Вот видишь, как мало осталось ждать, – подбодрила подругу Азиза.

С этого часа Жанну начали раздирать двойственные чувства. Она то молилась за Эмре, то злилась на него. Потому что всюду кругом, весело переговариваясь и цокая языками, расхаживали его сограждане, сытые, довольные, с семьями. А он, ОН был там, среди крови и ужаса. Жанна с содроганием переключала каналы ТВ, на мировых новостных каналах прокручивались кровавые сцены. Хаос, танки, толпы людей, голыми руками противостоящие оружию. Какой-то отчаянный молодой человек раз за разом бросался под танки и под бурное ликование толпы выходил живым и невредимым. С замиранием сердца Жанна выискивала в толпе знакомое лицо, сжимая кулаки, шептала: «Война, я не отдам тебе Эмре!» Сведения от Эмре поступали скудные. В своих редких смс он сообщал, что жив и здоров, «Canım, uzgunum. Kalbim carpiyor senin için» (Душа моя, мне жаль. Моё сердце бьётся только для тебя), – писал он. Жанна молилась и с нетерпением ждала полнолуния. И наконец получила радостную весть: «Yarın orada Antalyaadayım» (Завтра я буду в Анталии). И приписка – прости, но у нас очень мало времени. Прости, дорогая. Безудержная радость мгновенно сменилась горечью.

– Радуйся, что он жив и, видимо, невредим. Будь довольна, что он вырвался к тебе из этого ада, пусть хоть и ненадолго, – пристыдила ее Азиза.

Жанна согласно закивала головой. На небе всходила луна, почти полная, с еле заметной щербинкой... Весь следующий день Жанна провела сумбурно. Она то носилась по павильону в безудержном нетерпении, то замирала на месте в каком-то забытьи. Всё это не ускользало от зорких глаз Азизы. Аскар, прибывший на ЭКСПО за ними через пару дней, притихший и куда более молчаливый,

чем обычно, исподтишка наблюдал за Жанной. Азиза одёргивала подругу – держи себя в руках, за тобой наблюдают. Но замечания как-то плохо действовали на Жанну. Наконец раздался долгожданный звонок: «Ben buradayım» (Я здесь). Жанна стремглав бросилась к выходу. Но на её пути, как из-под земли, вырос Аскар. Перекрыв дорогу, он процедил сквозь зубы: «Покинешь рабочее место – уволю немедленно!» Жанна оттолкнула его, бросив на ходу: «Увольняйте!» Азиза попыталась успокоить подругу. Жанна вырвалась из рук Азизы: «Мне дорога каждая минута, не задерживай меня, прошу тебя! Я однажды уже предала свою любовь, я не стану повторять дважды свою ошибку!» И Азиза отступила.

Как дервиш в танце, закружилась Жанна, выискивая в огромной толпе Эмре. И всё равно не сумела заметить, как и с какой стороны он подошёл к ней. «Sevgilim!» (Любимая!) Они стояли друг перед другом, смущённые и растерянные. Толпа обтекала их, пихаясь и отталкивая. Первым пришёл в себя Эмре. Взяв Жанну за руку, он увёл её прочь из эпицентра бурлящей толпы. Он начал говорить. Она была растеряна, покачала головой: «anlamıyorum» (не поняла). Он задумался на минуту, затем быстро набрал текст на телефоне, и опять Google пришёл на помощь. Он писал: у нас мало времени, где мы можем уединиться? Она написала. Мелькнула озорная мысль: а со стороны, наверно, кажется, что мы хвастаемся друг перед другом своими смартфонами.

Эмре выглядел измотанным. Он оброс, покрылся многодневной щетиной. Жанна осмелилась и погладила его по щеке. Как странно, подумала она, было ощущение, будто она гладит не щетину, а нежный шёлк. Пальцы быстро пробежали по его губам, нежным, словно бархат. Ей показалось, своим точёным профилем он сильно напоминает скульптуру античного героя... «Ну не может же в человеке быть всё так совершенно!» – подумала она. Жанна прикрыла глаза и всей грудью вдохнула его запах. Запах, который когда-то окликнул и надолго взбудоражил её душу. И теперь она поняла магию этого запаха – так мог пахнуть только очень близкий, бесконечно родной человек. Она хотела сказать ему об этом, но мысли путались, и она не сумела выудить из своей «копилки» слово «родной». А Эмре говорил и говорил, жарко, безостановочно. Когда Жанна пыталась вникнуть в его речь, тут же переставала понимать его. И она стала просто слушать. И поняла почти всё, о чём он ей говорил. Он говорил о любви, о трудной дороге к ней, о долге. Я не могу иначе, говорил Эмре. А я не могу без тебя, подумала Жанна. Он сказал, ни война, ни расстояния теперь не смогут разлучить его с ней никогда, потому что «kalbin kalbimde» (наши сердца едины). Жанне тоже хотелось сказать ему: «Canım! Sevgilim!» Она сглатывала подкатывающий к горлу ком, пытаясь произнести эти слова вслух... Эмре чутко уловил её порыв, потребовал: «soyle!» (говори!) Вместо «Sevgilim», вырвалось: «Ben sensiz olamam!» (Я не могу без тебя!) Он крепко прижал её к себе. Жанна замерла, заклиная замереть и Время... Ей показалось, что не прошла и минута, Эмре отвёл руку и посмотрел на часы. Она встрепенулась: как, уже? Он отстранил Жанну от себя – «Canım», мне надо идти. Почувствовав отчаяние Жанны, попытался рассмешить её – ты не скучай, видишь, у нас впереди ещё много работы, нам надо ещё учить языки. Жанна согласно кивнула головой.

– Но я чувствую, спустя месяц в Турции ты свободно заговоришь на турецком языке.

– Да! Да! Да!

Эмре опять поглядел на часы. Жанна отвела его руку. Эмре отрицательно покачал головой:

– Olmaz! Ben orada olmalı! (Нет, я должен быть там.)

– А как же море, а луна?..

Ладони Эмре бережно обхватили лицо Жанны. Он нежно поцеловал её в лоб:

– Sevgilim, sana Allah korusun! (Пусть Аллах бережёт тебя, любимая!)

– Sana Allah korusun! – откликнулась эхом Жанна. Она ушла, ни разу не оглянувшись назад. В висках стучало. «Ben sensiz olamam! Ben sensiz olamam! Ben sensiz olamam!» Как же так! Целую вечность, целую вечность она ждала эту встречу, пролетевшую как одно мгновение. В душе поднималась буря возмущения. Ей одновременно хотелось и рвать, и метать, и рыдать. Вдруг запиликал смартфон. Пришла смска от Эмре. Он написал по-казахски: «Мен автобуска отырдым». Жанна не выдержала и рассмеялась сквозь слёзы.

У входа в отель Азиза в нетерпении выглядывала подругу:

– Ну как ты, дорогая? Так странно видеть тебя такой – и счастливой и грубо несчастной одновременно!

– Я такая несчастная! – она не выдержала и разрыдалась на плече подруги.

– Ты счастливая, счастливая, – приговаривала Азиза. – Вот увидишь, всё у вас будет хорошо и даже замечательно!

Понемногу Жанна стала приходить в себя.

– Ну и что ты теперь собираешься делать, вольная птица? – спросила Азиза.

– Что делать?! Что делать... А что мне остаётся делать? Остаётся только одно, «молиться, терпеть и ждать»!

Жанна бросила таксисту: «Denize!» (К морю!) Он кивнул: «Ok!» Когда она очутилась на пляже, уже сгущались сумерки. Жанна шла вдоль берега. С моря подул освежающий бриз. Волны с шумом бросали густо взбитую пену на берег. А из-за горизонта медленно поднималась полная луна. Она была кроваво-красного цвета. От тусклого лунного света и море казалось зловещим. Жанна дрогнула, она, было, отступилась от задуманного, но луна медленно поднималась всё выше и выше, и кроваво-красный свет становился всё мягче и светлей. И вдруг, насколько хватало глаз, всё вокруг окуталось нежным золотистым светом, и от луны по воде, прямо к берегу, почти к ногам Жанны, протянулась серебристая мерцающая лунная дорожка. Превозмогая страх, Жанна осторожно вошла в воду. Первая же приливная волна сбила её с ног. Она уверенно поднялась и продолжала идти в море. На этот раз стихия была более благосклонна к ней. Жанна благополучно перешла полосу прибоя. Усилием воли она успокоила своё судорожное дыхание, и её тело постепенно окутала тёплая, как парное молоко, морская вода. На волне она сделала глубокий вдох, и она нежно качнула её, словно убаюкивая. Следующую волну она встретила с замирающим сердцем и, отдаваясь воле стихии, вдруг почувствовала такое единение со всей огромной Вселенной, и такое блаженство, что глубокий стон вырвался из её груди. Казалось, что все заботы, тревоги растворялись в волнах моря. Жанна чувствовала себя невесомой пушинкой в морской пучине и, отдаваясь воле волн, вдруг ощутила невероятную лёгкость бытия. Теперь, казалось, само море подчинялось такту её дыхания, вдох – «Sevgilim!», выдох – «Canim!» Вдох-выдох, вдох-выдох. «Sevgilim – Canim! Sevgilim – Canim!» А высоко над горизонтом сияла огромная серебристая луна...

*– Я жить без тебя не могу,
Я с первого дня это понял...
Как будто на полном скаку
Коня вдруг над пропастью поднял.*

*– И я без тебя не могу.
Я столько ждала! И устала.
Как будто на белом снегу
Гроза мою душу застала...*

(А. Дементьев)